

Юмор и ирония как средства борьбы с атеизмом в дискурсе Ф.М. Достоевского

Мартин Максимилиан Боровски

Федор Достоевский считал времена, в которые жил, веком неверия. Об этом он неоднократно писал в *Дневнике писателя* и в письмах друзьям (Dostojevski 1979, 114). Атеизм был в XX веке действительно очень популярен среди русской либеральной интеллигенции, которая находилась под большим влиянием взглядов Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и его учеников: Людвига Фейербаха, Бруно Бауэра, Давида Фридриха Штрауса и представителей утопического социализма (Шарль Фурье, Вильгельм Вейтлинг и Моисей Гесс) (Przybylski 1964, 162-217).

Понимание же сущности атеизма было не столь очевидно. Так, Достоевский использовал это понятие в различных значениях в зависимости от обстоятельств. Писатель соединял его с идеями социалистическими и революционными. Утверждал, что социализм – это вершина эгоизма и бесчеловечности (ПСС 3, 24), а также антитеза христианства (Dostojevski 1979, 340). А атеисты, как и социалисты – они равно враги христианской церкви (Dostojevski 1982, I: 260-65). Писатель не всегда делал различие между людьми вне веры и верующими других конфессий, имеющих иное представление об «истинном образе Христа». Он называл атеистами социалистов, фурьеристов, либералов, католиков и протестантов (Dostojevski 1982, III: 8-9 и 402). Поэтому негативную оценку любой из этих групп можно отождествить с критикой атеизма.

Достоевский интересовался всеми тогдашними новейшими идеями и веяниями и хорошо в них разбирался, что подтверждают его эпистолярный

Marcin Maksymilian Borowski, University of Wrocław, Poland, marcin.borowski@uwr.edu.pl, 0000-0003-3486-8150

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Marcin Maksymilian Borowski, *Humor and Irony as a Means of Combating Atheism in the Discourse of F.M. Dostoevsky*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0122-3.06, in Dar'ja Farafonova, Laura Salmon, Stefano Aloe (edited by), *F.M. Dostoevsky: Humor, Paradoxality, Deconstruction*, pp. 53-63, 2023, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0122-3, DOI 10.36253/979-12-215-0122-3

и публицистика. Писатель активно дискутировал в журналах (хотя бы в *Дневнике писателя*) с влиятельными русскими мыслителями, представителями либеральных взглядов, которые часто выражали идеи отвержения Бога. На основании этих дискуссий (как и литературных произведений) можно констатировать, что Достоевский знал публикации западных мыслителей и знал их значение для формирования взглядов русской интеллигенции (Dostojewski 1979, 58-81; Dostojewski 1982, I: 278), он обнаруживал даже некую привлекательность атеистических мыслей. Так, автор неоднократно писал о том, что атеизм и социализм – идеи возвышенные и увлекательные (там же, 406). Писателю принадлежат высказывания о том, что и ему самому атеизм иногда представляется наиболее обоснованной позицией (Lubac 2004, 310-11). Лично знакомых ему атеистов он часто называл благородными или замечательными, считая их скитающимися мечтателями, а не аморальными людьми (Dostojewski 1979, 186, 206), что не меняет факта строгой оценки им атеизма с позиций нравственности.

Из его литературного наследия можно сделать вывод, что Достоевский всеми силами боролся с атеизмом как источником зла. Борьбу с ним он вел непосредственно, приводя доводы против атеистических идей в диалоге с их носителями, а также опосредованно, в том числе используя юмор и иронию. Он часто высмеивал атеистов, показывая их комичными, легкомысленными, недалекими, насмешливыми людьми, которые к самым серьезным жизненным вопросам относятся как к обыкновенным головоломкам.

Достоевский в неверии усматривал причины зла среди людей (Dostojewski 1979, 641-42), хотя часто отмечал, что это не преднамеренное зло, но следствие легкомыслия и недалечивости. Он критиковал либералов, считая их тщеславными и обидчивыми, безрассудными, имеющими дерзость гордиться тем, что они атеисты. Он изображал атеизм как непродуктивное явление, сводящееся к попранию божественной красоты, ничего не дающее взамен (там же, 207). Несмотря на то, что об отдельных персонажах либеральных взглядов Достоевский высказывался нередко доброжелательно, для обезличенной совокупности атеистов он не жалел слов критики. Либералов сороковых годов писатель называл обычной толпой, циничной, насмешливой кучкой безбожников и фанфаронов (Dostojewski 1982, II: 105). Он отмечал, что это люди, понятия не имеющие, о чем сами говорят и что критикуют, которые путают веру с фанатизмом (там же, III: 70). Он также утверждал, что это оппоненты легкомысленные, подходящие к фундаментальным моральным и философским вопросам, как к каламбурам (Dostojewski 1979, 267-68). Подобные мысли он записывал и в *Дневнике писателя*, одновременно подсмеиваясь над атеистами:

В другой раз мне [...] случилось выслушать целый трактат об атеизме. Оратор [...] кончил совершенным и безбрежным атеизмом на основании естественных наук и математики. “Я научу сына моего быть честным человеком, и вот и все”, – порешил он в заключение в полной и очевидной

уверенности, что добрые дела, нравственность и честность есть нечто данное и абсолютное, ни от чего не зависящее и которое можно всегда найти в своем кармане, когда понадобится, без трудов, сомнений и недоумений (ПСС 21, 121-23).

Писатель в то же время отмечает, что человек, высказывающий такие мысли, вероятно, честен, он, наверно, также хороший отец, и Достоевский не может оправиться от изумления, как такой честный, хороший отец может изрекать подобное «бесстыдное вранье».

В глазах Достоевского атеисты являются своего рода бесстыдными людьми (не стыдятся быть безбожными), при этом они болезненно обидчивы, бесосновательно амбициозны, самодовольны и легкомысленны, не имеют должной культурной подготовки к дискуссии о религиозных и нравственных вопросах, это люди, которые не понимают сущности того, что отвергают (то есть Бога) (Dostojewski 1979, 207, 519, 564). Взгляды, представленные ими, по мнению русского классика, одинаково легковесны и комичны, например, фурьеризм, который никем не воспринимался всерьез. Он был, по словам писателя, менее популярен, чем кабетизм, «нелепее которого ничего не производилось на свет» (там же, 79). Достоевский признавал, что идеи Фурье, которыми был очарован Петрашевский, могут быть привлекательными из-за провозглашенной любви к человечеству и отказа от всякой ненависти, но все равно писатель называл их нежизнеспособными, губительными, вредными и смешными (там же, 58-81). Точно так же социализм, в описании Достоевского, является направлением легкомысленным и в то же время глубоко возмутительным, поскольку он выходит за рамки философского и научного отрицания Бога и отрицает смысл созданного им мира (там же, 516). То есть недалевидные атеисты-социалисты отвергают прежние ценности, ошибочно опираясь на основания науки, забывая, что на одной науке невозможно построить общественный фундамент (Dostojewski 1982, III: 327).

При всей этой неприязни к атеистам Достоевский не дискредитировал их морально. Его отношение очень хорошо отражает письмо слушательнице высших женских курсов. В этом письме он снова писал, что считает, что атеисты не обязательно плохие и

дурные люди, но заражены общей современной болезненной чертой всех интеллигентных русских людей: это легкомысленным отношением к предмету, сомнением необычайным, которое сильнейшим умам в Европе не мыслилось, и феноменальным невежеством в том, о чем судят (ПСС 30, 140).

Наблюдения великого русского классика были тем точнее, что многих своих оппонентов он знал лично. Когда он писал об атеистах, очень часто ссылался на конкретных людей, их жизнь и поведение. К этой группе можно отнести лидеров тогдашних движений атеистически-социалистически-революционных (Александра Герцена, Виссариона Белинского, Михаила Бута-

шевича-Петрашевского, Михаила Бакунина или Николая Чернышевского), а также писателей, таких как Николай Некрасов или Иван Тургенев. Достоевский, критикуя их взгляды, одновременно часто отмечал, что это люди добрые и благородные, но мечтатели, утописты, легкомысленные фантазеры.

Свои отношения с Герценом Достоевский называл дружескими. Он подчеркивал, что не разделял его взглядов и считал, что он был «духовным эмигрантом» задолго до того, как фактически покинул Россию. Этот отрыв от русской земли делал Герцена в глазах Достоевского человеком заблудшим, потерянным. Тем не менее писатель уверял в своем уважении к нему и считал Герцена человеком необыкновенным (Dostojewski 1979, 187; Dostojewski 1982, I: 274-75). Одновременно Достоевский деликатно высмеивал несоответствие его взглядов с жизнью и писал:

Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой (ПСС 21, 9).

К Белинскому, несмотря на различия во взглядах, Достоевский относился очень положительно, называя его искренним, мудрым и безупречным (Dostojewski 1982, II: 105). Он также писал, что это был замечательный человек, которого многие уважали (Dostojewski 1979, 58-81). Одной из причин разрыва с Белинским, по воспоминаниям Достоевского, стали атеистические взгляды критика. Белинский, как сообщает автор *Бесов*, имел раздражающую тенденцию навязывать себя другим своим пылким социализмом, атеизмом и убеждениями в силе разума (Dostojewski 1979, 58-81; Dostojewski 1982, I: 276). Достоевский иногда также мягко высмеивал некоторые недостатки Белинского, в частности, его вспыльчивость, изображая его человеком несколько истеричным, который «взвизгивал, если очень горячился» (ПСС 21, 11).

О Буташевиче-Петрашевском Достоевский отзывался с симпатией, хотя знакомство с ним оказалось для писателя губительным. Он писал, что всегда уважал его как человека честного и благородного (Dostojewski 1979, 58-81), но он изображал его последователем Фурье, значит кем-то не опасным, а смешным (там же, 80). Аналогично, несмотря на совершенно разные взгляды, автор *Братьев Карамазовых* вспоминал Чернышевского и писал о нем как об очень положительном человеке, подчеркивая свое уважение к нему (Dostojewski 1982, I: 291-99). Однако Достоевскому принадлежит остросатирический рассказ *Крокодил*, который жестко высмеивал проповедуемые Чернышевским материалистические теории, заимствованные из немецкой философии.

Достоевский критиковал взгляды Некрасова, но очень положительно, даже тепло оценивал его как человека (Dostojewski 1982, III: 350-66). Что же касается отзывов Достоевского об атеизме Тургенева, здесь формулировки лишены доброжелательности. По мнению автора *Бесов*, это несе-

рзезный, чрезмерно обидчивый позер, фанфарон, изрекающий трюизмы. Складывается впечатление, что Достоевский не любил его так сильно, что приходил в ярость всякий раз, когда упоминал о нем, – большинство писем, в которых фигурирует фамилия Тургенева, содержат злобные и насмешливые замечания о нем (Dostojewski 1979, 186, 206-9).

Из описаний либералов как группы, как и из представлений о конкретных, известных писателю лично персонажах, вырисовывается образ *атеиста* как человека благородного, гордого, убежденного в своей правоте, и в то же время легкомысленного и слегка комичного. Достоевский не только высмеивает взгляды атеистов, но часто тонко и “по-дружески” их самих. Флер некоей нелепости и комизма создают мелкие пороки: писклявость Белинского, непоследовательность Герцена, фанфаронада Тургенева – подобные же черты (в том числе и пороки) проявляют “атеистические” персонажи романов Достоевского¹.

К теме веры и борьбы с атеизмом Достоевский постоянно возвращается в своем послекаторжном творчестве; одним из важных неосуществленных замыслов писателя был роман *Атеизм* (Dostojewski 1979, 248). Идея, появлявшаяся в его записных книжках (ПСС 9, 125-39), со временем превратилась в концепцию романа *Житие великого грешника*. Результатом желания создать образ великого грешника, который должен был быть «атеистом», затем верующим, фанатиком и сектантом и снова «атеистом», являются, между прочим, персонажи Ставрогина, Кириллова, Версилова, Ивана Карамазова (Dostojewski 1979, 266, 276 и след.).

Нет сомнений в том, что, создавая перечисленных героев, Достоевский отчасти наделил их свойственными ему самому чертами, и с помощью их духовной борьбы иллюстрировал собственные переживания. Поскольку проблема существования Бога не давала писателю покоя всю жизнь, постольку одержимы ею и его герои. В эмоциональном диалоге Шатова со Ставрогиным первый вопрошает, не Николай ли Всеволодович утверждал, что, если бы ему «математически» было доказано, что истина вне Христа, он предпочел бы скорее остаться со Христом, чем с истиной (ПСС 10, 198)². Кириллова «Бог мучил всю жизнь» (там же, 94). Версиров с сыном многократно обсуждают идею Бога. Иван Карамазов до безумия одержим вопросами веры и неверия.

Главные “атеистические” персонажи Достоевского часто – каклюди известные ему лично – благородные, в некотором смысле красивые. Их идеи также часто кажутся красивыми и заслуживают уважения основных “позитивных” оппонентов. Отец Тихон признает, что «атеизм» может быть

¹ Герои-«атеисты» Достоевского и их идеи были иллюстрацией атеизма XIX века. С точки зрения сегодняшнего атеизма их уже нельзя считать атеистическими, поэтому слова ‘атеизм’, ‘атеист’, ‘атеистический’ в отношении персонажей писателя и идей, присутствующих в изображенном мире, взяты мной в кавычки (Bogowski 2015, 7).

² Как известно, здесь писатель перефразирует собственное признание в письме Наталье Фонвизиной (ПСС 28, 175).

этапом на пути к истинной вере (ПСС 11, 10). Старец Зосима утверждает, что между «атеистами» много добрых людей (ПСС 14, 149) и относится к поискам Ивана с большим пониманием и уважением. В романном мире Достоевского, однако, «атеизм» имеет скорее репутацию чего-то отвратительного, вредного, злого, легкомысленного и смешного. Об этом свидетельствуют, между прочим, и насмешливые реплики эпизодических героев. Например, в *Идиоте* «атеизм» Ипполита другими героями сопоставляется с потенциальным преступлением, убийством (ПСС 8, 161), издевательством (там же, 164) и развращенностью (там же, 238), а самого героя называют «хахалем и обидчиком» (там же, 165), «завистливым червём, умирающим от злобы и неверия» (там же, 395). В *Бесах* Варвара Петровна очень недовольна тем, что Степан Трофимович Верховенский имеет репутацию «атеиста» (ПСС 10, 50). Федька Каторжный употребляет по отношению к Петруше Верховенскому слово «атеист» как оскорбление, ассоциируя его со словами «убивец» и «злодей-соблазнитель» (там же, 428). В *Братях Карамазовых* Ракидин говорит, что Иван – «атеист» и еще «в подлости этой сам сознается» (ПСС 14, 75). По словам второстепенных героев, атеизм представляет собой нечто, чего нужно стыдиться. До того автор использует юмористические детали (еле заметные черты характера, поведения, слова персонажей, шутки, карикатурные фигуры), чтобы незаметно, как бы подсознательно, создать в читателе образ «атеиста» как человека комичного и несерьезного.

В романе *Идиот* главным представителем бунта против Бога является Ипполит Терентьев, который, как пишет Роман Пшибыльский, «берет на себя борьбу с Богом как создателем зла и несправедливости» (Przybylski 1964, 254-55). Ипполит – юноша, больной чахоткой, открыто завидующий людям, у которых, в отличие от него, еще есть возможность жить. Он считает глубоко несправедливым, что такая возможность дана не ему, а тому, кто даже не умеет ее использовать. Он считает эту ситуацию не только обидной, но и оскорбительной. Кроме того, он испытывает сильное отвращение к жизни, не может мириться с оскорбляющим его, унижительным существованием еще молодым приговоренного к смерти, и это еще в ситуации, когда от него требуют смирения и согласия со своей судьбой (ПСС 8, 340-44). Из-за этого унижения и несправедливости он решает покончить жизнь самоубийством в последнем акте свободной воли, тем самым отомстив Богу и природе. Его высказывания осмысленны и глубоко, идеи возвышенны, однако окружение часто относится к нему с пренебрежением и насмешкой. Особенной чертой Ипполита является также писклявый голос и склонность к истеричному поведению (истерический смех, приступы истерики). Это мелочи, которые дезавуируют героя, а с ним и его взгляды, еще до того, как автор нанесет ему окончательный удар.

Этим ударом является высмеивание идеи «логического самоубийства» Ипполита через сцену неудавшейся попытки выстрела: «Трудно и рассказать последовавшую жалкую сцену. Первоначальный и всеобщий испуг быстро начал сменяться *смехом*; некоторые даже захохотали, находили в

этом злорадное наслаждение. Ипполит *рыдал как в истерике*, ломал себе руки» (ПСС 8, 349; курсив мой, МБ).

Похожий образ “логического самоубийцы” появляется в *Бесах*³. Произведение явилось романом-предупреждением и художественной “атакой” на всю известную Достоевскому атеистическую среду, которая определяется следующими словами:

были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия – всё это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого (ПСС 10, 311)⁴.

Рамки статьи не позволяют провести обстоятельный анализ образов всех изображенных либералов, однако необходимо хотя бы очертить наиболее важных из них. Итак, Степан Трофимович Верховенский представляет собой обобщенный образ либералов “старого поколения”, в своих высказываниях он даже ссылается на реальных людей из этой среды, говорит о Белинском и его окружении: «вот были люди! Сумели же они любить свой народ, сумели же пострадать за него, сумели же пожертвовать для него всем и сумели же в то же время не сходитьсь с ним, когда надо, не потворствовать ему в известных понятиях» (там же, 33). Верховенский – учитель молодежи, мыслитель, человек интеллигентный, достойный и благородный, которого уважают в обществе, хотя он и «атеист». В то же время образ Степана Трофимовича изобилует комическими чертами, с помощью которых Достоевский традиционно высмеивал знакомых либералов. Он наивен, плаксив, чрезмерно патетичен, беспочвенно амбициозен и смешон, и в то же время истеричен:

Можно представить после этого, до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннейшего из всех пятидесятилетних младенцев! [...] Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, он писать любил без памяти, писал к ней, даже живя в одном с нею доме, а в *истерических случаях* и по два письма в день (ПСС 10, 13; курсив мой, МБ).

Пил больше, стал слезливее и слабее нервами; стал уж слишком чуток к изящному. Лицо его получило странную способность изменяться необыкновенно быстро, с самого, например, торжественного выражения на самое *смешное и даже глупое* (там же, 52; курсив мой).

«Степан Трофимович схватил Варвару Петровну за руку, поднес ее к своим глазам и *залился слезами, навзрыд, болезненно, припадочно*» (там же, 501; курсив мой).

³ Об этой идее Достоевский подробно рассказал в двух статьях *Дневника писателя*: “Приговор” (ПСС 23, 146-48) и “Голословные утверждения” (ПСС 24, 46-50).

⁴ Надо заметить, что эти слова говорит Шигалев – весьма отвратительный персонаж.

Интересно, что Степан Трофимович, как человек гордый, пытающийся сохранить остатки своего авторитета и претендующий быть мыслителем-философом, очень боится насмешек, поэтому ситуации, когда над ним смеются, для него очень тяжелы: «Публичные же слезы сего утра, несмотря на некоторого рода победу, ставили его, он знал это, в несколько комическое положение, а не было человека, столь заботящегося о красоте и о строгости форм в сношениях с друзьями, как Степан Трофимович» (там же, 377; курсив мой, МБ). Этот персонаж – как смешной – также дезавуирован сценами, в которых он сам не участвует, например, когда Лямшин «уморительно карикатурил иногда у Юлии Михайловны, между прочим, и самого Степана Трофимовича, под названием “Либерал сороковых годов”» (там же, 252).

Аналогичной представляется ситуация и с другими представителями старшего поколения, такими как Семен Кармазинов, в котором Достоевский создает карикатуру на Ивана Тургенева. Это писатель, которому приписывали необыкновенную глубину идей, и от которого ожидали большого влияния на общество, но который «сам себя почитает великим», хотя «выписался» и стал претенциозным надутым позером (ПСС 10, 50). При этом герой «самолюбив, до такой истерики, что никак не может скрыть своей авторской раздражительности даже и в тех кругах общества, где мало интересуются литературой. Если же случайно кто-нибудь озадачивал его своим равнодушием, то он обижался болезненно и старался отомстить» (там же, 70; курсив мой). Кармазинов сам считает себя великим человеком, но другие персонажи часто называют его «надутой тварью» (там же, 50), которая пишет очень наивную поэзию. Интересно, что этот герой также имеет писклявый голос, как и Липутин, «большой либерал и в городе слышавший атеистом» (там же, 26) – побочный персонаж, но неоднократно высмеиваемый несуразным поведением и также постоянно подчеркиваемым визгливым голосом. Эти «визги», «писки» и «истерии» почти незаметно перемещают отмеченных ими героев в сферу легковесных комедиантов, снижают их авторитет, предполагают, что их идеи проистекают из болезненных состояний.

Используя вышеперечисленные приемы создания комического, Достоевский высмеивает старшее поколение, «отцов-учителей». Подобным же образом он нападает и на их воспитанников. Представителем молодого поколения является Алексей Кириллов, уже упоминавшийся ранее «логический самоубийца». Это герой с возвышенными и благородными взглядами, отрицающий Бога во имя любви к человечеству. Он не обладает ни смешными чертами, ни пороками, подобными указанным ранее, хотя некоторые говорят, что его убеждения – «ужасные фантазии и атеистический бред» (ПСС 10, 436). Чтобы окончательно убедить читателя в том, что это именно «атеистический бред», Достоевский применяет тот же прием, что и с Ипполитом, – высмеивает героя в решающей сцене. Кириллов, правда, совершает преднамеренное самоубийство, но не в момент осознанной значительности принятого решения, а под психо-

логическим давлением Петра Верховенского и в чем-то вроде приступа безумной истерии.

Среди молодежи больше всего выделяется харизматичный Николай Ставрогин, «ложный Бог, Христос и царь в одном лице [...]. Антихрист и Самозванец» (Janion & Przybylski 1996, 15). В глазах некоторых героев, пораженных его нечеловеческой харизмой, Ставрогин способен кардинально изменить человеческие судьбы, это практически потенциальный создатель новой России. Он оказывает, несомненно, необычайное влияние на окружающих, способен влиять на устроение столь разных лиц, как Иван Шатов, Алексей Кириллов, Петр Верховенский. Два последних, каждый по-своему, видят в нем человека, способного вывести Россию на путь мессианства или революции, сверхчеловека-спасителя и Ивана Царевича. Сам Ставрогин непосредственно сравнивает себя с Герценом, говоря, что так же, как он, стал гражданином кантона Ури. Это сопоставление повторяется в последней сцене романа в виде насмешки: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей» (ПСС 10, 516).

Ставрогин – персонаж очень неоднозначный, загадочный и настолько специфический, что все время балансирует на грани между трагизмом и комизмом. Комизм, однако, избран им самим – герой намеренно инициирует различные скандалы и абсурдные ситуации, которые кажутся продуманной, дерзкой шуткой, насмешкой над всем окружением. Тем не менее Ставрогин боится насмешек, которым он может быть подвергнут не своими выходками, а откровенностью и признанием того, что его действительно мучает. Во время беседы с Тихоном (глава, не вошедшая в окончательный вариант романа) Ставрогин испытывает страх, что он оказался «комическим лицом, несмотря на всю трагедию» (ПСС 11, 26). Приняв свою презрительную позу, он заявляет, что быть смешным не боится, но это утверждение не убедительно, тем более, что во время разговора Николай Всеволодович истерически смеется.

Не менее трудным в интерпретации персонажем является Андрей Версилов. Его образ – как и героя *Бесов* – построен на основании информации, в правдивости которой читатель не может быть уверен. По слухам, например, сообщается, что когда-то он был очень верующим, но в этой вере гротескным – «носил вериги». Говорят, он вел себя так, будто был святым, пугал окружение Страшным судом и ожидал, что люди будут поклоняться его мощам. Согласно другим источникам, он перешел в католичество, по третьим – он кошунственник и «атеист». Это, безусловно, герой интересный – неоднозначный и загадочный. Он так же, как и его идеи, благороден и возвышен, но несмотря на это, часто ведет себя комично и глупо, а в конце романа «с ним бывают иногда и припадки, почти истерические» (ПСС 13, 447).

Наиболее значимым достижением эволюции “атеистического” героя в романах Достоевского является Иван Карамазов. Он поднимает многочисленные вопросы, которыми озадачивались человек из подполья, Раскольников, Ипполит, Кириллов и Версилов. Данута Кулаковска называет

его «самым выдающимся теоретиком богоборчества среди героев Достоевского» (Kuřakowska 1981, 139). Идеи Ивана привлекательны и стройны, и он сам является лицом, заслуживающим уважения. Иван убедителен, харизматичен, в некотором смысле возвышен, как его теории. Кстати, в нем нет нелепости прежних персонажей – ее обнаруживает только его двойник, черт-комедиант. Он обнажает скрытые страхи Ивана, смеясь над его гневом по поводу того, что ему явился не какой-то серьезный дьявольский противник, а именно такой шут, рассыпающий каламбуры и глупые шутки, оскорбляющий его честолюбие и эстетическое чувство. Осмеяние идеи Ивана для героя тем больнее, что это происходит через комедианта-лакея, который прячется в нем самом, где-то на дне ума и души. Угрызения совести, осознание того, что его идеи и учение привели к убийству, вместе с насмешкой ведут Ивана к безумию⁵.

Черта, которой обладает подавляющее большинство «атеистических» персонажей Достоевского – это гордость, часто переходящая в гордыню. Это доминирующее качество человека из подполья, который считает большинство людей тупыми и ограниченными. Горд Ипполит, утверждающий, успешнее и плодотворней, чем кто-либо другой, что он смог бы использовать долгую жизнь, если бы это было дано ему. Раскольников стремится к позиции «сверхчеловека». Верховенский и Кармазинов ужасно «надуты» и обидчивы. Ставрогина сравнивают с Антихристом и Иваном Царевичем. Кириллов называет себя человекобогом. Иван Карамазов тоже относится к окружающим свысока, но над его амбициями смеется черт-двойник. Гордыня «атеистов» – черта очень значимая, поскольку автор противопоставлял «сатанинскую гордыню» смирению Христа и этим приемом обесценивал названные персонажи. Кроме того, писатель демонстрирует, что гордыня бессильна перед смехом и иронией. Нелепость «атеистических» персонажей или ситуаций одновременно низвергает значимость их теории. Не касается это Мышкина, который произносит патетическую речь о вере и неловко разбивает старинную вазу, и Алеши, обостренная эмпатия которого доводит его до истерического рыдания. Эти персонажи в художественной системе Достоевского смиренны и готовы принять унижение, так что насмешка не причиняет им вреда, в отличие от «надутых гордецов»⁶.

⁵ Иван, правда, затыкает уши, кричит, запускает в черта стаканом, но не «визжит». Однако из высказывания черта заслуживает внимания эта фраза: «Я слышал радостные *взвизги* херувимов, поющих и вопиющих: “Осанна”» (ПСС 15, 82; курсив мой, МБ). В письме Николаю Любимову 1880 г. Достоевский просит, чтобы во время редактирования обязательно оставили именно «истерические *взвизги*» (ПСС 30, 205; курсив мой), что свидетельствует об особенной значимости этой фразы. В конце концов, она все же была изменена на «радостные *взвизги*», что Достоевский в упомянутом письме принимает как менее удовлетворительную версию.

⁶ С этой точки зрения, особого внимания заслуживает Версиков – «атеистический» герой, отказавшийся от гордости, обретший смирение, а вместе с ним и нечто вроде искупления.

Теории “великих атеистов” Достоевского не получают логического отпора. Достоевский не вступает в борьбу с ними путем рациональной аргументации, ибо разум ошибочен и является оружием неверия. Вера же, напротив, защищается сама собой, через “правду сердца”. Эта правда, однако, также поддерживается писателем мелкими юмористическими элементами, которые не вредят репутации героев-носителей мысли Христа (скромных, смирившихся с судьбой и не боящихся стать посмешищем) и этим наносят смертельный удар по атеизму, поддерживаемому дьявольской гордыней.

Цитируемая литература

- Borowski, Marcin. 2015. *Obraz „ateisty” w twórczości Fiodora Dostojewskiego w świetle ateizmu współczesnego*. Kraków: Libron.
- Dostojewski, Fiodor. 1979. *Listy*, przeł. Zbigniew Podgórzec i Ryszard Przybylski. Warszawa: PIW.
- Dostojewski, Fiodor. 1982. *Dziennik pisarza*, t. I-III, przeł. Maria Leśniewska. Warszawa: PIW.
- Janion, Maria, i Ryszard Przybylski. 1996. *Sprawa Stawrogina*. Warszawa: Sic!
- Kułałowska, Danuta. 1981. *Dostojewski. Dialektyka niewiary*, Warszawa: Książka i Wiedza.
- Lubac, Henri de. (1944) 2004. *Dramat Humanizmu ateistycznego*, przeł. A. Ziemiński. Kraków: WAM.
- Przybylski, Ryszard. 1964. *Dostojewski i „przekłete problemy”. Od Biednych ludzi do Zbrodni i kary*. Warszawa: Znak.